

Не споткнуться бы о камень. Реплика

Александр Чепуренко,

декан факультета социологии ГУ-ВШЭ о понятии «социальное», «общество» и не только.

«Периодически возвращаться к исходным понятиям своей науки, конечно, нужно. Но давайте переформулируем вопрос: не что есть социальное (как предикат), а — есть ли (и что есть?) сам субъект, т.е. социум (общество)?»

Признаюсь, на этом семинаре я быть не смог, хотя хотел поприсутствовать. И. когда ознакомился с репортажем под названием [«Об этот камень можно споткнуться»](#) на портале Вышки, желание вставить несколько строк в ученый спор укрепилось. А после ряда публикаций, появившихся в самые последние дни в электронных масс-медиа и связанных с различными (в том числе, не совсем приглядными) событиями в социологическом сообществе недавнего времени, окончательно понял: не могу молчать!

Нужно ли периодически возвращаться к исходным понятиям своей науки? Конечно, нужно. Мне понятно, откуда возникла — и периодически будет все снова возникать — потребность заново прояснить конвенциональные исходные определения. Во-первых, изменилось научное поле — наряду с социологией на изучение социальных фактов претендуют социальная психология, социальная антропология, др. смежные науки — хочется как-то разграничить «предмет ведения». Или, скажем, экономическая социология и институциональная экономика — близнецы-братья или нет? Во-вторых, изменилось и общество - оно стало одновременно и менее (разнообразие стилей жизни в современном западном обществе), и более гомогенным (глобализация и связанные с ней процессы). Возникает и потребность, и соблазн «перезагрузиться», найти ответ путем уточнения определения (или разграничения) исходных определений, с которыми работают все эти науки.

Но иногда сама исходная постановка вопроса об определении базовых понятий может породить ненужные сложности.

Давайте переформулируем вопрос: не что есть социальное (как предикат), а — есть ли (и что есть?) сам субъект, т.е. социум (общество)? Подавляющее большинство представителей разнообразных наук о нем (как и сторонники точки зрения, согласно которой общество в так называемую эпоху постмодерна исчезло — ведь должны же они определить: что именно исчезло?) могут и должны сформулировать более или менее простое начальное определение предмета своих исследований — хотя бы некогда «бывшего», а ныне «исчезнувшего». Например: общество (социум, если кому-то русское слово кажется менее ученым) есть структура связей между индивидами. А что такое «социальное»? Это ближайшим образом всякое явление (процесс, действие), происходящее в обществе (социуме). И.т.д.

Впрочем, классики социологии весьма осторожно подходили к исходному определению предмета своей науки. Дюркгейм более всего предпочитал обсуждать «социальные факты», а не только «социальное» вообще. Вебер говорил о «социальном действии» как основном предмете социологии. И так далее.

Представляется, однако, что для подлинно научного ответа на вопрос одного исходного определения предмета маловато. Более того, по мере погружения в предмет это определение неизбежно придется уточнять, корректировать, а возможно - и отбросить как не работающее. Если этого не происходит — значит, в процесс изучения предмета мы ничего к своему исходному (поверхностному) пониманию его не добавили. Более того, на этом пути нас может ожидать опасность погрузиться в пучину схоластических дискуссий — вроде тех, которые велись в период «развитого социализма» на экономическом факультете МГУ по вопросу об «исходном» и «основном» экономических отношениях.

Эта опасность усиливается вследствие появления и все более активного включения в социологический дискурс представителей некоторых новых направлений и типов теоретизирования, которым явно неуютно в сложившемся мире социологических конвенций. И которые хотели бы их оспорить - причем главным образом ведя борьбу именно на поле рассуждений о принципах, методах, исходных понятиях и в меньшей мере — о результатах. В чем это проявляется — и проявилось и на данном семинаре, и в ряде публичных выступлений последнего времени на различных площадках, где собираются представители интеллектуального бомонда, включая ряд посещаемых сайтов в Интернете?

Прежде всего, в следующем:

Экспансия в области отношений человека к окружающему его вещному миру (социология вещей — вместо социологии консьюмеризма, социология игрушек — вместо социологического анализа свободного времени и игрового поведения, и т.д.).

Наделение свойств материи (пространство, время) атрибутами чистой социологичности путем превращения их в предикат при субъекте «социология»: «социология пространства», «социология времени» вообще (без всякой социальной конкретики). Все это приводит к явной подмене предметного поля социальной науки. Вместо, например, городского пространства, исторического времени, предметом социологии в такой интерпретации становятся философские понятия.

Подмена анализа общества общими рассуждениями о том, как возможна рефлексия об обществе, которое в таком варианте превращается в чистую форму рефлексивности. Так, один из молодых, но широко раскрученных адептов данного направления в своей недавней публичной лекции в клубе «Билингва» провозглашает, что его интересует «взгляд на социологию науки с позиции эпистемологии, теории познания и логики социологического знания как такового. Это взгляд извне», то есть наблюдение сверхчеловека, стоящего над муравейником человекообразных социологов.

Отрицание — хотя, отрицание предполагает все же удержание позитивного зерна в отрицаемом, а здесь такого подхода не наблюдается — скорее, издевательство над методологией социологической науки, этим смешным в своем убожестве «социологизмом». Социологизм при этом шаржируется, оглупляется и сводится к двум нехитрому в интерпретации сторонников «рефлексивной социологии не-общества» силлогизму: «X — социальное, следовательно, X должно объясняться через социальное», следовательно это смешно по определению.

Формирование нового, отличного от классической социологии, эзотерического языка. «Метафора», т.е. иносказание — вместо научного понятия, т.е. определения сущности. «Проблематизация», т.е. по Фуко, некая «совокупность дискурсивных и недискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного и ложного и конституирующих эту игру в качестве объекта мысли (будь то в форме морального размышления, научного познания, политического анализа и т.п.)» вместо исследования как погружения в предмет, находящийся вне сознания исследователя;

«Оптика» (то есть субъективно осмысленный взгляд и нечто) вместо научной методики исследования (которая, вообще говоря, в отличие от беспредпосылочной «оптики», связана не только с когнитивными способностями индивида, но и с достигнутым уровнем знания о предмете и предшествующими наработками в области технологий исследовательского процесса).

«Провокация», т.е. подстрекательство, вместо дискурса.

Таким образом, стремление переопределить, что такое «социальное», навязано теми, кто пытается осуществить выход за рамки традиционного поля социологии. Какова легитимация такого выхода? Обычно можно слышать и читать следующие аргументы:

Общество-де исчезло, растворилось (поневоле вспоминаются слова Воланда: «что же это у вас — чего не хватишься, ничего нет...»). Но тогда нет места не только старой, но и «новой» социологии. Что же говорить о том, чего нет, а есть лишь рефлектирующие

субъекты сами по себе и создающие «фундаментальную социологию» — очередной глубокомысленный эвфемизм. Короче, общество исчезло, и остались лишь «комплексы ощущений». Где-то и когда-то мы уже слышали это — когда материя исчезала. Эмпириокритицизм, кажется?

Социология-де находится в кризисе. Допустим. Однако, исходя из этимологии этого термина (да и из жизненных наблюдений за кризисами — хоть в медицинской, хоть в общественной практике), кризис не означает конца - но означает накопление внутренних противоречий, которое приводит систему к некоей точке бифуркации и обновлению. Но кто сказал, что кризис системы — синоним исчезновения данной системы? По-моему, с такой трактовкой кризиса выступали представители того течения общественной мысли, с которым социологи-«обновленцы» меньше всего захотели бы себя отождествить — вульгарные марксисты первой трети XX века.

Теоретическая социология есть фундаментальная социология, она же социальная философия. А посему сугубо философский дискурс, не требующий эмпирической соотнесенности с «социальными фактами», выдается за теоретическую социологию.

Традиционные парадигмы не работают. Хорошо, допустим на минуту, — но какая новая парадигма объясняет происходящие в обществе процессы лучше? Дам возможность упрекнуть меня в консерватизме и соглашусь со Скалозубом: «Где, укажите нам, отечества отцы, которых должно нам принять за образцы»? И каковы критерии объяснительной силы этой новой парадигмы? Что, есть доказательства более высокой объяснительной силы «фундаментальной социологии», нежели хулимые структурный функционализм и иже с ним? Пока сдается, мы имеем дело с хорошо поставленным примером чистой воды саморепрезентации — переводятся труды идейных вдохновителей, в истории социальной философии (не социологии!) отыскиваются родоначальники, взращиваются кадры адептов, ведется поиск площадок для коммуникации, которые необходимы, чтобы обозначить свое существование, ведется дискурс о понятиях (т.е. формируется новояз). Нет лишь одного - исследований, которые более убедительно, чем многократно осмеянный и опровергнутый на словах старый социологический мейнстрим, показали бы, что происходит с обществом (вариант: когда, почему оно исчезло и в чем проявляется это его исчезновение). Не с абстракцией «общество», а с каким-нибудь обществом — хоть российским, хоть китайским, хоть с американским, хоть с локальными сообществами, или с иными группами людей, в ходе социальной интеракции преследующих какие-то интересы и формирующих какие-то сетевые взаимодействия, выстраивающие (или встраивающиеся) в иерархии.

Какими видятся причины появления новой «фундаментальной социологии»?

Конечно, это — специфическая реакция несчастного разорванного сознания на двойное усложнение окружающей социальной реальности. Во-первых, усложнение, связанное с новым глобальным капитализмом, который — через глэм-консьюмеризм, через виртуальные коммуникации (оборачивающееся реальным одиночеством) продвинутых пользователей, через тотальную одномерность потребителя современных масс-медиа — до предела довел свойственное классическому капитализму отчуждение человека (в том числе, считающего себя социологом) от своей родовой сущности, от общества. Разорванность сознания усугубляется, во-вторых, ситуацией системного транзита российского общества (когда не очень понятно, переход от чего и к чему, не совсем ясно, в силу каких причин, короче, туман сгущается).

«Одномерный», инкапсулированный в собственные переживания, оболваненный масс-медиа, покорно клюющий на приманку назойливой рекламы, испытывающий стресс от потока информации, вторгающейся в частную жизнь и частное бытование, обыватель в глобальном мире полностью утратил даже слабый проблеск понимания того, как устроены социальные процессы. Но если раньше социолог стремился помочь ему преодолеть отчуждение, то новые фундаментальные социологи расписываются в неспособности и нежелании «анализировать это».

Разумеется, появление новой «фундаментальной социологии» — это также реакция на известные явления в отечественной социологии: с одной стороны, на тот балласт, которым она перегружена вследствие массовой самозаписи в социологи многих носителей прежней государственной идеологии. С другой стороны, это реакция на распространившийся в немалой степени ползучий эмпиризм, который, чего греха таить, многим коллегам сегодня представляется меньшим злом, чем схоластическое словоблудие по поводу «духовности» и «вitalности».

Иными словами, усталость и опустошенность как следствия транзита порождают фантомы псевдофундаментальности некоей социологии без общества. Но это и очевидная попытка экспансии этой «безобщественной» социологии на поля той науки, которую упрекают в бесплодности, и попытки теоретизирования по поводу того, что объявляется исчезнувшим.

До поры до времени социологический мейнстрим — при всей относительности применения данного понятия к современному российскому социологическому сообществу — спокойно созерцал «рождение сверхновой»: казалось, что тупиковость и маргинальность данного направления скоро станет понятна его приверженцам, и «минутная слабость» будет им прощена и забыта (тем более, что у академического сообщества масса проблем другого порядка, связанных с существованием на обширных российских академических и университетских просторах множества краснобаев, кликуш и мракобесов, прикрывающихся званием «социологов», имеющих при этом и высокие академические титулы). Но нет, коллеги из числа новоявленных фундаментальных социологов рвутся в бой. Объективно говоря, отвлекая от более насущной задачи — от противодействия обскурантизму.

В последнее время ими предпринимаются поистине титанические усилия не только по самовозвеличиванию и возведению своей группы в ранг авангарда. Если бы дело было только в этом - ради бога, считайте себя великими, только дайте другим — не столь великим или не так навязчиво стремящимся к публичности — заниматься своим делом. Видимо, чтобы казаться повыше ростом, обязательно нужно преуменьшить достижения других, в том числе — представителей того поколения, гражданским мужеством и научной смелостью которых и возрождалась социология в нашей стране, в том числе своих учителей. Поэтому на ряде публичных мероприятий последнего времени представители группы «социологов без общества» избирают внешне беспроблемную (особенно в глазах представителей смежных дисциплин и всякого рода экзальтированных интеллектуалов) манеру потокового стеба и *хэппенинга*, на которую так падки и так восторженно реагируют приводимые ими на эти мероприятия наивные молодые клакеры, судя по всему, кроме кумиров «фундаментальных социологов» — тех же Альфреда Шюца и Карла Шмитта — других авторов в подлиннике никогда не читавшие. И даже не подозревающие, что многие вещи, витиевато изложенные «фундаментальными социологами», будучи переведены на язык «прежней» социологии, выглядят трюизмами. Потому и не воспринимаются как новое слово.

Формируется специфическая групповая идентичность, своего рода академическая религия. И вот уже один из молодых классиков жанра заявляет публично: «я ... критикую социологизм не потому, что вижу в нем опасность исчерпания социологической мысли, а потому, что принадлежу определенной банде - самому страшно подумать, какой — и пытаюсь свергнуть с пьедестала канона один способ анализа, чтобы утвердить на нем другой». Какой именно — мы выше уже тезисно описали.

Каков может быть позитивный ответ? Думается, он — в спокойной и методичной работе по исследованию общества и происходящих в нем процессов. А ждущих изучения тем много. Это — во-первых, тип социальной эволюции, переживаемой Россией (и рядом др. постсоветских обществ). По этому вопросу сформулирован ряд теорий, некоторые из них (напр., теория О.И. Шкаратана о неозакратизме и теория либеральной социокультурной эволюции Н.И. Лапина) получают и некоторое эмпирическое

обоснование, другие (об «институциональных матрицах» и проч.) пока представляются менее убедительными. Во-вторых, характер социальной структуризации российского общества: применима ли к нему концепция «стилей жизни», давно и прочно вошедшая в обиход у социологов на Западе? Или в российском обществе действуют какие-то иные механизмы образования социальных групп? (Кстати: что происходит с бывшим советским «гегемоном» — нет, не с реальным гегемоном, бюрократией: это более или менее описано и объяснено, — а с рабочим классом? Он исчез, полностью растворившись в «новых бедных» и «новых профессионалах»? Превратился в нечто иное? Куда девалась интеллигенция? И что такое новые бедные в условиях системного транзита? И какие еще неравенства, кроме традиционных, формируются в нашем обществе?) Плохо изучены новые элиты — если говорить не о политически-управленческих, а о бизнес-элитах, о медиа-элитах, об экспертных элитах. Не говорю уже о своем излюбленном предпринимательстве: ни на одной крупной конференции не удастся сформировать даже секцию! Или такое явление, как инволюция и деградация социальных институтов (напр., силовых), связанные с этим новые социальные практики и группы. А социология постсоветской повседневности! А историческая социология — сегодняшний студент-социолог, рассуждая о временах 20-30-летней давности, с умным видом воспроизводит чудовищные нелепости, и опровергнуть невозможно: почти нет исследований, остается апеллировать к позднесоветскому кинематографу...

Короче говоря — общество не исчезло, оно живет, движется, переформатируется. И дает достаточно материала для изучения настоящему социологу, который по-прежнему считает, что именно в этом — его задача.

При этом, конечно, уместно иногда поговорить и об исходных определениях. Но для пользы дела, т.е. для того, чтобы вести исследования и преподавание. А не для того, чтобы эпатировать экзальтированную публику и смущать неокрепшие души.

Впрочем, хорошо уже то, что смутить более широкие круги общества своими идеями они никогда не смогут — поскольку общество, как они же сами и доказывают, исчезло...

<http://ecsocman.edu.ru/db/msg/335054.html>